
БИБЛИОГРАФІЯ.

Епископъ Антоній. Полное собраніе сочиненій. Т. I—III ¹⁾.

Присматриваясь къ новымъ богословскимъ изданіямъ, даже поверхностный наблюдатель замѣчаетъ ихъ монографическій характеръ. У насъ появляется не мало хорошихъ ученыхъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію одного какого нибудь научнаго вопроса. Эти произведенія, необходимы для развитія науки и встрѣчаемыя съ радостнымъ привѣтствіемъ специалистами, обыкновенно оставляютъ неудовлетворенною большую публику, которая интересуется вопросами болѣе жизненными. Богословская литература страдаетъ отсутствіемъ сочиненій публицистическихъ, которыя давали бы христіанскую оцѣнку всѣмъ явленіямъ нашей литературы и жизни. Этотъ недостатокъ и восполняетъ недавно изданное полное собраніе сочиненій преосв. Антонія, епископа Уфимскаго.

Сочиненія преосв. Антонія и по предметамъ, которые въ нихъ затронуты, и по способу разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ отличаются въ высшей степени жизненнымъ зна-

---

¹⁾ Цѣна за всѣ три тома 5 р. за каждый томъ въ отдѣльности 2 р. Чистая прибыль поступаетъ въ пользу „Общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ Казанской духовной академіи“. Продается въ редакціи „Православнаго Собесѣдника“ при Казанской духовной академіи“.

ченіемъ. Своими литературными трудами преосв. Антоній выполняетъ высокую миссію духовнаго руководителя общества. Зорко слѣдя за всѣми проявленіями его жизни, онъ пользуется всякимъ представляющимся случаемъ, чтобы дать христіанскій отвѣтъ на возникающіе въ обществѣ вопросы и христіанскую оцѣнку его свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ. Появляется ли новая книга гр. Толстого или Вл. С. Соловьева, печатается ли въ Вѣстникѣ Европы выходка Лѣскова противъ о. Іоанна Кронштадтскаго, преосвѣщ. Антоній отвѣчаетъ критической статьей, иногда рядомъ статей. Возникаетъ споръ между Московскимъ Психологическимъ Обществомъ и Московскими Вѣдомостями объ отношеніи заботы христіанина о спасеніи своей души къ служенію общественному благу, преосв. Антоній въ талантливой статьѣ принимаетъ участіе въ обсужденіи этого вопроса. Слухи о предстоящей реформѣ духовно-учебныхъ заведеній побуждаютъ его высказаться по вопросу, который правильно и безъ вреда для дѣла можетъ быть рѣшенъ не въ канцеляріяхъ при закрытыхъ дверяхъ, а только людьми, стоящими непосредственно у самаго дѣла. На нападки противъ духовныхъ академій, исходящія отъ людей, иногда мало понимающихъ, чего собственно самимъ имъ хочется, преосв. Антоній, служившій почти во всѣхъ академіяхъ, отвѣчаетъ горячей апологіей нашей высшей духовной школы. Положеніе монастырей и ихъ задачи, значеніе исповѣди и ея правильная постановка, вопросъ о монашествѣ ученомъ и о проповѣди мірянъ, новая форма учительства церкви—народныя изданія, методы толкованія св. Писанія, сектантскія движенія и желательные способы борьбы съ ними церкви—вотъ вопросы непосредственнаго жизненнаго интереса, отвѣты на которые читатель найдетъ въ полномъ собраніи сочиненій преосв. Антонія.

Пробѣгая наудачу открытыя страницы въ книгахъ преосв. Антонія, сразу же обращаешь вниманіе на увлекательность и талантливость изложенія. Прежде всего читатель встрѣчаетъ въ сочиненіяхъ преосв. Антонія не сухія разсужденія и схоластическую игру понятіями, за которыми нерѣдко скрывается личное равнодушіе автора къ затронутому имъ вопросу. Преосв. Антоній по каждому вопросу нишетъ горячо, влагаетъ свою душу въ его разрѣше-

ніе. Его личность сквозитъ въ каждой строкѣ его сочиненій. Но по преимуществу характеромъ глубокаго убѣжденія и искренняго чувства дышатъ страницы, посвященныя вопросамъ нравственности. Кромѣ убѣжденности и одушевленія, особую привлекательность сочиненіямъ преосв. Антонія со стороны самой ихъ внѣшней формы сообщаетъ его выдающаяся наблюдательность и происходящая отсюда образность рѣчи. Въ своихъ многочисленныхъ религіозно-нравственныхъ трактатахъ преосв. Антоній вращается не въ сферѣ отвлеченныхъ понятій, а среди тонко подмѣченныхъ явленій жизни. Каждое отвлеченное положеніе стоитъ у него въ связи съ конкретнымъ опытомъ жизни. Эта тонкая наблюдательность автора болѣе всего проявляется въ излюбленной имъ области пастырскаго богословія, но она присуща и всѣмъ его сочиненіямъ. Для примѣра укажемъ хоть на чрезвычайно рельефное изображеніе основныхъ типовъ современной религіозности въ III томѣ стр. 347—348.

Талантливость автора быть можетъ ни въ чемъ не сказывается съ такою ясностью, какъ въ оригинальности и рѣзкой индивидуальной окраскѣ его взглядовъ. На какомъ бы избитомъ и затасканномъ вопросѣ онъ не остановилъ своего вниманія, онъ всегда сумѣетъ дать ему совершенно своеобразную постановку и внести въ его рѣшеніе много ума и нравственнаго одушевленія. Казалось бы, что можетъ быть безнадежнѣе въ этомъ отношеніи вопроса о нравственномъ значеніи догматовъ? Обычные, дѣтски-наивные отвѣты на этотъ вопросъ, давно уже всѣми заученные наизусть, но все еще повторяемые, служатъ предметомъ нападокъ гр. Толстаго. У преосв. Антонія вопросу дана философская постановка и догматы связаны съ нравственностью органически. Смѣшеніе въ нашей правоучительной литературѣ великой добродѣтели христіанскаго смиренія отчасти съ раболѣпствомъ и челоуѣкоугодничествомъ, отчасти съ лицемѣрнымъ смиренничаньемъ сдѣлало эту добродѣтель наиболѣе презираемой въ обществѣ. Преосв. Антоній говоритъ о смиреніи съ такою силою убѣжденія и поставляетъ его въ такое тѣсное отношеніе къ заповѣди любви, что предъ его разъясненіями трудно устоять даже предубѣжденію, воспитанному опытомъ жизни и дурными литературными образцами. Пастырское богословіе не только въ русскихъ сочиненіяхъ, но и въ ино-

странныхъ курсахъ далеко не пользуется славою предмета интереснаго. Лекціи по пастырскому богословію и Письма къ пастырямъ нужно отнести къ лучшимъ по силѣ чувства и чистотѣ пастырскихъ идеаловъ произведеніямъ преосв. Антонія.

Жизненность, соотвѣтствіе духовнымъ потребностямъ общества и оригинальность сочиненій и воззрѣній преосв. Антонія отчасти обусловливаются его широкою начитанностью въ изящной и философской литературѣ. Не разъ уже высказывалось мнѣніе, что наиболѣе цѣнные и оригинальные богословскіе труды принадлежать перу людей, не получившихъ систематическаго богословскаго образованія и не принадлежащихъ къ духовному сословію. Это мнѣніе, конечно очень преувеличенное, въ своей основѣ имѣетъ нѣкоторую долю правды. Выходитъ какъ то такъ, что общество чувствуетъ себя болѣе удовлетвореннымъ сочиненіями по церковнымъ вопросамъ Хомякова, Самарина, Аксакова, Достоевскаго, чѣмъ сочиненіями богослововъ по профессіи. Это происходитъ, конечно, не вслѣдствіе отсутствія талантовъ или убѣжденій въ нашей духовной средѣ, какъ склонны объяснять нѣкоторые, а по двумъ другимъ причинамъ. Первая стоитъ въ связи съ замкнутостью духовнаго сословія, живущаго своею обособленною жизнію и имѣющаго мало общаго съ тѣми задачами и запросами, которые волнуютъ наше свѣтское общество. Естественно, что духовные писатели вслѣдствіе этого не всегда попадаютъ въ тонъ общественнаго настроенія и сочиненія ихъ не всегда отвѣчаютъ потребностямъ данной минуты. Другая причина лежитъ въ силѣ школьныхъ традицій. Наши учебники по богословскимъ предметамъ, изучаемые въ семинаріяхъ весьма тщательно, иногда тяготѣютъ надъ воспитанникомъ духовной школы всю жизнь. Учебникъ претендуетъ обыкновенно на безошибочность и вѣрность своего изложенія ученія церкви и нерѣдко пріобрѣтаетъ въ глазахъ учащихся авторитетъ едва не символической книги. Все, противорѣчащее учебнику, начинаетъ казаться не согласнымъ съ духомъ самаго православія. Отсюда недостатокъ смѣлости мысли и оригинальности въ богословскихъ сочиненіяхъ. Приблизить богословскую литературу къ жизни и освободить отъ указанныхъ недостатковъ можетъ только тщательное изученіе воспита-

никами духовныхъ школъ свѣтской литературы — философской и изящной. Сочиненія преосв. Антонія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой мысли. Горячій поборникъ возможно болѣе тѣснаго сближенія пастырей съ ихъ паствою, преосв. Антоній настойчиво совѣтуетъ духовенству знакомиться съ жизнію общества, если ужъ не путемъ личнаго опыта, то по крайней мѣрѣ чрезъ изученіе изящной словесности. „Изучая нашу литературу, говоритъ онъ, пастырь будетъ введенъ какъ бы въ сердцевину русской общественной жизни: онъ по ней увидитъ, какими именно нравственными побужденіями русскіе люди вовлекаются въ тѣ или другія направленія мысли и жизни. Понявъ же это, онъ при ясности и широтѣ собственнаго христіанскаго міровоззрѣнія, уже безъ труда можетъ показывать его нравственное превосходство предъ всѣми заблужденіями и такимъ образомъ явится для заблудшихъ прежде всего занимательнымъ, далѣе—близкимъ, наконецъ—полезнымъ, утѣшительнымъ и просвѣтительнымъ собесѣдникомъ. Тутъ то онъ и будетъ для подзаконныхъ, какъ подзаконный, для неподзаконныхъ—неподзаконнымъ подобно Верховному Апостолу“ (т. II, 280). Прежде чѣмъ давать этотъ совѣтъ другимъ, преосв. Антоній самъ выполнилъ его. Читая его труды, поражаешься начитанностью автора. Сочиненія преосв. Антонія обнаруживаютъ въ немъ прекрасное знакомство не только съ нашими классиками—Пушкинымъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ и Толстымъ, но и массою второстепенныхъ писателей. На страницахъ его сочиненій мы постоянно встрѣчаемъ имена Некрасова, А. Толстого, Майкова, Писемскаго, Щедрина, Лѣскова, Немировича-Данченко, Ливанова, Забытаго, Мещерскаго, Вс. Соловьева, Данилевскаго, Елагина, Потапенко..... Не менѣе знакома автору и новѣйшая философская литература и ея наиболѣе извѣстные и вліятельные представители—Спенсеръ, Милль, Бэнъ, Литтре, Кантъ, Тэнъ, Фулье, Вундтъ, Шопенгауэръ, Гартманъ, Секретанъ, Кавелинъ, Карѣвъ, Чичеринъ, Дебольской, А. Введенскій..... Изящная и философская литература и внесли въ богословское міросозерцаніе автора свѣжую и плодотворную струю, которая непосредственно чувствуется читателемъ. Особенно сильное вліяніе на воззрѣнія преосв. Антонія оказали писатели наиболѣе близкіе къ христіанству и церкви — славянофилы:

Аксаковъ, Хомяковъ и Достоевскій, а изъ философовъ Кантъ и французскіе спиритуалисты. Аналогія между воззрѣніями преосв. Антонія и Достоевскаго сама собою бросается въ глаза, если сравнить между собою лекціи по Пастырскому богословію съ статьей: Пастырское изученіе людей и жизни по сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Своимъ философскимъ развитіемъ преосв. Антоній больше всего обязанъ Канту и французскимъ спиритуалистамъ. Отъ нихъ онъ унаслѣдовалъ идею безусловной цѣнности и полного безкорыстія морали и идею автономіи воли. Обѣ эти идеи занимаютъ въ міровоззрѣніи автора центральное положеніе и служатъ исходною точкою для всѣхъ частныхъ выводовъ.

Знаніе жизни и настроенія общества, пріобрѣтенное преосв. Антоніемъ отчасти личною наблюдательностью, отчасти изъ изученія литературы, имѣло для него очень важное значеніе. Оно помогло ему во многомъ отрѣшиться отъ школьной рутинны. Это особенно ясно видно въ его сочиненіяхъ по пастырскому богословію. Благодаря своему знакомству съ требованіями общества, онъ взглянулъ на вопросы пастырскаго богословія съ новой точки зрѣнія. Воспитанникъ духовной школы, надѣвая рясу, въ большей или меньшей степени смотритъ на свои обязанности и на способы пастырскаго воздѣйствія съ точки зрѣнія традицій. Наоборотъ, для него не всегда бываютъ достаточно ясны тѣ запросы, съ которыми къ нему обращается общество и его пасомые. Отсюда иногда возникаютъ самыя печальныя недоразумѣнія между паствою и пастыремъ, такъ наглядно и съ такимъ чувствомъ изображенныя авторомъ на многихъ страницахъ его сочиненій и особенно въ Письмахъ къ пастырямъ о нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросахъ пастырскаго дѣланія. Молодой пастырь приступаетъ къ дѣлу съ горячимъ желаніемъ служить церкви и людямъ. Но чѣмъ строже относится онъ къ своимъ дурно понятымъ обязанностямъ, тѣмъ болѣе растетъ къ нему ненависть пасомыхъ. Это скоро озлобляетъ и самого пастыря, лишаетъ его всякой энергіи и вѣры въ успѣхъ своего дѣла. Съ другой стороны общество часто дѣлаетъ своими любимцами такихъ пастырей, которые съ традиціонной точки зрѣнія представляются совсѣмъ незаслуживающими этого и обыкновенно, любимые пасомыми, бываютъ презираемы пастырями и сослуживцами. Это печаль-

ное недоразумѣніе происходитъ отъ того, что идеалы пастырей и пасомыхъ часто расходятся до противоположности. Прекрасно знакомый съ настроеніемъ и запросами общества, преосв. Антоній въ своихъ лекціяхъ по пастырскому богословію перемѣстилъ центръ тяжести. Своею исходною точкою онъ сдѣлалъ не школьныя традиции, а нужды и запросы общества, идеаль пастыря, предносящійся самимъ пасомымъ. Само собою понятно, насколько плодотворной оказывается такая постановка дѣла: когда нужно опредѣлить основныя начала воздѣйствія на другихъ людей, тогда прежде всего нужно считаться съ тѣмъ, какъ наша дѣятельность отразится въ сознаніи и чувствѣ воспитываемыхъ.

До сихъ поръ мы говорили преимущественно о внѣшней сторонѣ сочиненій преосв. Антонія. Но ихъ главное достоинство заключается не въ формѣ, а въ самомъ содержаніи. Больше всего читателя привлекаетъ въ нихъ чистота идеаловъ автора, сила его нравственнаго одушевленія, логическая послѣдовательность и твердость, съ какими авторъ стоитъ на однажды принятой точкѣ зрѣнія. Это побуждаетъ насъ дать краткую характеристику религіозно-нравственныхъ воззрѣній преосв. Антонія.

Христіанская религія широка. Она отвѣчаетъ всѣмъ благороднѣйшимъ запросамъ человѣческой души. Но человѣкъ всегда индивидуаленъ. Отсюда даже въ предѣлахъ одного и того же христіанскаго исповѣданія взглядъ единицъ на сущность христіанства обыкновенно бываетъ неодинаковъ. Каждый по своему опредѣляетъ сущность христіанства и взаимное отношеніе его элементовъ—догматическихъ, мистическихъ, нравственныхъ, дисциплинарныхъ, обрядовыхъ. Одинъ видитъ въ христіанствѣ только обрядъ, другой полагаетъ почти все его значеніе въ догматѣ, третій идеаломъ христіанина считаетъ аскета, совершенно отрѣшившагося отъ всѣхъ задачъ практической жизни и погруженнаго всею своею мыслію и чувствомъ въ созерцаніе идеи Божества. Основная точка зрѣнія преосв. Антонія на христіанскую религію—нравственная. Главная цѣль христіанства—нравственное возрожденіе вѣрующихъ. Отсюда все въ христіанской религіи направлено къ достиженію этой цѣли.

Признавая догматы православной вѣры неизблемыми и необходимыми для спасенія, преосв. Антоній относится од-

нако отрицательно къ тѣмъ ревнителямъ и теоретикамъ въ религіи, „которымъ кажется, что какъ земной властитель, охотно извиняя личные пороки подчиненныхъ, требуетъ прежде всего полного признанія ими принадлежащихъ ему правъ, такъ Господь, осуждая человѣка за непринятіе того или иного догмата, собственно негодуетъ и отмщаетъ за несогласіе человѣка признать все его богооткровенныя совершенства“ (III, 353—354). Нѣтъ, утверждаетъ онъ, „христіанство состоитъ не въ знаніи богословскихъ формулъ“ (II, 222). Преосв. Антоній смотритъ на догматы исключительно съ нравственной точки зрѣнія. Догматы имѣютъ существенное значеніе въ христіанской религіи, потому что безъ нихъ невозможно достиженіе главной ея цѣли—нравственнаго возрожденія человѣка. Правда, человѣкъ имѣетъ и внутренніе нравственные задатки—прирожденную ему силу любви. Но послѣ грѣхопаденія эта любовь не горитъ уже въ душѣ человѣка яркимъ пламенемъ, а лишь тлѣетъ слабыми искрами. Для того, чтобы эта угасающая любовь могла снова возгорѣться и получить преобладаніе надъ враждебными ей силами, она нуждается въ опорѣ, которую ей могутъ дать только теоретическія истины религіи или догматы. Человѣкъ можетъ предпочесть и болѣе слабый мотивъ, но только въ томъ случаѣ, если онъ убѣжденъ въ разумности своего выбора, если такъ или иначе онъ получилъ увѣренность, что его борьба противъ тиранніи страстей не есть погоня за неосуществимыми мечтами, что она можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Таково значеніе догмата о св. Троицѣ. Заповѣдь христіанской любви требуетъ полнѣйшаго духовно-нравственнаго единенія вѣрующихъ. „Да вси едино будутъ, яко же Ты Отче во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ“, молился Господь о своихъ ученикахъ. Но когда человѣкъ дѣлаетъ попытку осуществить эту заповѣдь на дѣлѣ, онъ наталкивается на одинъ фактъ своего самосознанія, повидимому совершенно исключаящій возможность осуществленія этого высокаго идеала. При современномъ грѣховномъ состояніи своего самосознанія мы находимъ въ немъ рѣзкое противопоставленіе своего я и я другихъ людей. Поэтому требованіе любить другого, какъ самого себя, слиться съ нимъ въ любви какъ бы въ одно существо кажется нашему омраченному грѣхомъ сознанию

чѣмъ то абсолютно неисполнимымъ, какою то утопіей. Отъ этого оболъщенія человѣка освобождаетъ только ученіе о Единосущной Троицѣ. Три Божественныхъ Ипостаси, сохраняя свою свободу и личность, составляютъ Единое Нераздѣльное Существо. Такимъ образомъ, нравственный идеаль, съ которымъ христіанство обращается къ вѣрующему, является уже осуществленнымъ въ глубочайшихъ основахъ природы и духа, потому что онъ составляетъ форму бытія самой первопричины той и другого — Бога. Это убѣждаетъ человѣка, что раздѣленное самосознаніе человѣчества есть ложь, и что стремленіе освободиться отъ этой лжи вполне разумно и обѣщаетъ успѣхъ, потому что соотвѣтствуетъ основнымъ законамъ бытія вещей.

Такъ же необходимо для нравственной жизни признаніе Божества І. Христа, если только кто хочетъ относиться къ нравственнымъ задачамъ не слегка, а серьезно. Прежде всего человѣкъ, не признающій І. Христа Богомъ никогда не приметъ евангельскаго нравственнаго идеала во всей его полнотѣ. Если Христосъ—простоіи человѣкъ, хотя бы и гениальный, то онъ могъ заблуждаться, какъ и всѣ, подчиняясь настроенію минуты или предразсудкамъ времени, и ученіе Его во всякомъ случаѣ подлежитъ критикѣ. Такъ Ренанъ все строгое, печальное, требующее подвига приписалъ просто раздраженію Христа противъ непонимающей Его толпы. Съ другой стороны путь дѣйствительнаго, а не поверхностнаго только, усвоенія христіанскаго идеала далеко не усыпанъ розами. Нравственное возрожденіе — процессъ болѣзненный, сопряженный съ борьбою и страданіями. Давать въ своей внутренней жизни перевѣсъ добрымъ наклонностямъ значитъ оставлять неудовлетворенными дурныя, которыя громко однако заявляютъ о своемъ существованіи и требуютъ вниманія къ себѣ. Но эти внутреннія страданія не такъ еще ослабляютъ энергію воли, какъ борьба съ противодѣйствіемъ внѣшнихъ силъ, враждебныхъ добру. Людей очень хорошихъ любятъ только очень хорошіе, которыхъ вообще бываетъ мало, и фактъ общезвѣстный, что чѣмъ чище идеалы человѣка, тѣмъ болѣе онъ одинокъ въ обществѣ. Непониманіе близкихъ и любящихъ, клевета чужихъ, вражда дѣйствующихъ, иначе, тупое сопротивленіе благодѣтельствуемыхъ встаютъ предъ такимъ человѣкомъ

грозной арміей. Выступая на борьбу одинъ противъ всего міра, онъ можетъ до конца сохранить свое мужество только въ томъ случаѣ, если твердо увѣренъ, что за него—Богъ, который въ критическій моментъ подастъ ему могучую руку помощи, какъ утопающему Петру.

Таково значеніе догматовъ по воззрѣніямъ преосв. Антонія. „Если нельзя спастись, говоритъ онъ, безъ вѣры въ Божество І. Христа и во св. Троицу, то значитъ, что безъ этихъ вѣроуказаній невозможно исполнять заповѣдей, невозможно создать въ себѣ евангельскихъ совершенствъ и пребороть страсти“ (II, 57).

Сущность христіанской нравственности, опирающейся на догматы вѣры, преосв. Антоній видитъ въ любви. Точка зрѣнія, конечно, не новая. Въ виду яснаго ученія Евангелія ни одинъ богословъ не можетъ опредѣлить иначе сущность христіанской нравственности. Заслуга автора состоитъ, во-первыхъ, въ болѣе широкомъ выясненіи самаго понятія любви, а главнымъ образомъ въ выводахъ изъ этого принципа и его примѣненіи ко всеѣмъ частнымъ обстоятельствамъ жизни общественной и церковной, дѣятельности пастырской и педагогической.

Свое опредѣленіе понятія любви преосв. Антоній направляетъ противъ двухъ неправильныхъ мнѣній. Во-первыхъ, онъ отстаиваетъ качественное различіе любви отъ эгоизма, хотя бы и самаго утонченнаго. Преобразованный утилитаризмъ, опирающійся на пантеистическую метафизику, смотритъ на любовь, какъ на расширенный эгоизмъ. Въ основѣ всѣхъ существъ, разсуждаетъ онъ, лежитъ одно и тоже начало. Отсюда я долженъ любить другихъ, потому что въ сущности, любя ихъ, я люблю самого себя. Такой альтруизмъ, по мнѣнію преосв. Антонія, ничѣмъ не лучше самаго грубаго эгоизма. Видѣть человѣка, нѣжно любящаго ближняго только потому, что въ немъ онъ усматриваетъ самого себя, такъ же противно, какъ видѣть человѣка, ласкающаго и цѣлующаго собственную руку..... „Себялюбіе отличается отъ братолюбія не столько по объекту симпатіи, сколько по сопровождающему настроенію, совершенно противоположному въ братолюбіи сравнительно съ эгоизмомъ, хотя-бы расширеннымъ на весь міръ. Первое—настроеніе нѣжности, второе—холоднаго, сухого разчета“ (III, 66).

Вторую черту въ воззрѣніяхъ преосв. Антонія на сущность любви составляетъ его вѣра въ ея вседовлѣющую и всепобѣждающую силу. Служить людямъ, принося имъ дѣйствительную и при томъ не одну только матеріальную, но и духовную пользу, можетъ мечтать только нравственно - чистый и любящій. Высокій нравственный характеръ разливать вокругъ себя свѣтъ и тепло самымъ фактомъ своего существованія, вовсе не задаваясь даже цѣлью вліять на кого бы то ни было. Такимъ людямъ не нужна даже подробная программа для ихъ дѣятельности, сознательное намѣреніе при однихъ обстоятельствахъ поступать такъ, при другихъ иначе. Какъ бы они ни поступили въ каждомъ данномъ случаѣ, но если ихъ образъ дѣйствій вытекаетъ изъ искренней любви, то это непосредственно почувствуется тѣми, на кого направляется это дѣйствіе, и достигнетъ своей цѣли. Но если въ душѣ есть какая нибудь фальшь, если подъ знаменемъ любви къ ближнему человѣкъ служитъ въ дѣйствительности своему узкому себялюбію или только тѣшитъ свое горделивое чувство, то чѣмъ больше онъ будетъ благотворить людямъ, тѣмъ сильнѣе будутъ оскорблять ихъ его благодѣянія. Отсюда всѣмъ пастырямъ и воспитателямъ преосв. Антоній даетъ прекрасный совѣтъ, исполненіе котораго только и можетъ спасти ихъ отъ озлобленія въ случаѣ недоразумѣній съ своими пасомыми или воспитанниками: онъ совѣтуетъ имъ искать причины недоразумѣній въ себѣ самихъ, въ несовершенствѣ своего внутренняго настроенія. (II, 427).

Признавая основою христіанской нравственности любовь въ смыслѣ внутренняго настроенія нѣжнаго участія къ судьбѣ другого, преосв. Антоній держится древняго правила, что христіанинъ долженъ служить Богу въ лицѣ бѣдныхъ и нуждающихся. Любовь, если только она дѣйствительно есть въ сердцѣ человѣка, не можетъ остаться недѣятельной, не можетъ не обнаруживаться въ служеніи благу другого. Въ прекрасной характеристикѣ преосв. Антоній вскрываетъ эгоизмъ, черствость и внутреннюю замкнутость того довольно многочисленнаго у насъ класса людей благочестивыхъ, которые утверждаютъ, что задача христіанина состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы служить ближнему, а въ томъ, чтобы заботиться о спасеніи собственной души. Истинный христіанинъ,

по возрѣніямъ преосв. Антонія, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, долженъ обнаруживать свою вѣру въ дѣлахъ любви. Монашество по самой своей идеѣ повидимому предназначено къ жизни отрѣшенной отъ всякой связи съ обществомъ. Но и для него преосв. Антоній указываетъ практическія задачи. Монастыри, не измѣняя своимъ спеціальнымъ задачамъ и не вмѣшиваясь непосредственно въ жизнь міра, должны однако просвѣщать и облагораживать сотни-сячныя массы, посѣщающія ихъ. Выборъ поученій и чтенцовъ, живая проповѣдь, истовая, неспѣшная и назидательная проповѣдь, неторопливое, связанное съ назидательными бесѣдами, объясненіе монастырскихъ древностей и святынь, вниманіе къ духовнымъ и тѣлеснымъ нуждамъ богомольцевъ, торжественность богослуженія—все это могло бы быть могучимъ средствомъ въ рукахъ монастырей для ихъ просвѣтительнаго вліянія на народъ. Исходя изъ того же основного положенія своихъ нравственныхъ возрѣній, преосв. Антоній отстаиваетъ для ученаго монашества практическія задачи папства и воспитанія.

Любовь не совмѣстима съ насиліями, внѣшними карательными мѣрами, формализмомъ и черствою настойчивостью въ проведеніи абстрактныхъ принциповъ, регламентированныхъ разными уставами. Все это—силы юридическаго строя обществъ, заставляющія человѣка всегда чувствовать на своихъ плечахъ государство, какъ тяжелое бремя. Измученный всѣмъ этимъ, человѣкъ ищетъ нравственнаго освѣженія въ церкви, какъ царствѣ любви и свободы. Но горе, если и здѣсь онъ находитъ тоже, что и въ какомъ нибудь департаментѣ! Церковь теряетъ тогда въ его глазахъ всякое значеніе. (II, 289) Карательныя мѣры, касаясь самой интимной стороны человѣческой души, — святыни ея религіозныхъ убѣжденій, — чувствуются съ особою обидою и вызываютъ самое мрачное озлобленіе противъ церкви. Если во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни христіанъ должна господствовать любовь, то Церковь по преимуществу должна быть царствомъ любви и свободы. Законы жизни Церкви должны быть совершенно противоположны законамъ жизни государства. Нечего и говорить, что преосв. Антоній—самый рѣшительный противникъ грубаго насилія проявляющагося въ обращеніи духовенства къ полиціи и въ карательныхъ мѣрахъ

государственнаго воздѣйствія противъ всѣхъ отступающихъ отъ церкви. Съ полнымъ отрицаніемъ онъ относится даже ко всѣмъ видамъ тонкаго насилія. Онъ не одобряетъ обличительныхъ проповѣдей, находя, что „слѣдуетъ насаждать въ жизни положительныя начала любви и истины“. (II, 331). Призванный обращаться непосредственно къ совѣсти чловѣка, пастырь, по мнѣнію преосв. Антонія, не долженъ позволять себѣ дѣйствовать на толпу силою устрашающихъ образовъ, силою насмѣшки или пышнымъ представительствомъ и внѣшней помпой. (II, 224—225).

Въ тѣсной связи съ этими основными взглядами преосв. Антонія стоитъ благородство его богословской полемики. Въ собраніи его сочиненій много статей полемическихъ, но онѣ совершенно чужды тѣхъ элементовъ раздраженія, личныхъ нападокъ и огульнаго отрицанія мнѣній противника, которые оставляютъ обыкновенно такой непріятный осадокъ въ душѣ читателя. Преосв. Антоній всегда борется противъ принциповъ и ученія, а не противъ лицъ. „Раскрывая логическую послѣдовательность латинства, лишаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, мы вовсе не хотѣли указать на личные пороки и паденія дѣятелей, часто столь усердныхъ, и даже самоотверженныхъ, но разсмотрѣть тѣ общія начала пастырства, коими они руководятся“ (II, 266—267). Снисходительное и сострадательное отношеніе къ заблуждающимся обуславливается иногда тою рѣдкою чертою полемиста, что въ глубинѣ своей души онъ носитъ какъ бы чувство своей личной отвѣтственности за появленіе расколовъ и отпаденій отъ церкви. „Мы рады говорить онъ, укорять автора новой вѣры (гр. Толстого) за искаженіе православія, но показали ли мы ему въ своемъ быту истины православія? Не себя ли самихъ мы укоряемъ? Не мы ли вмѣсто исповѣданія церкви т. е. всемірной любви обнаруживаемъ только свое житейское самолюбіе и себялюбіе? Нашъ языческій бытъ породилъ хульника нашей вѣры, мы сами охулили ее своею жизнію, вмѣсто того, чтобы быть прославителями имени Божія“. (III, 135 ср. II, 96). Преосв. Антоній никогда не набрасываетъ тѣни, на честность стремленій людей, несогласныхъ съ ученіемъ церкви и можетъ быть искушающихъ въ какой нибудь мѣрѣ вину своего отпаденія отъ нея нравственными страданіями. Онъ высказываетъ увѣренность, что

исходною точкою для нихъ всегда служитъ какая нибудь свѣтлая и благородная идея, раскрытая во всей своей полнотѣ въ Евангеліи. Только присоединяющіяся сюда увлеченіе, страсть и исключительность разрушаютъ потомъ союзъ единомысленныхъ. „Ни одно ученіе, говоритъ онъ, не состоитъ изъ одной лжи, изъ сплошнаго заблужденія; каждому доступна частичка добра, частичка истины“ (III, 88). Широка заповѣдь Господня. Евангеліе содержитъ въ себѣ всю полноту добра и истины. И потому каждый человѣкъ, исходящій изъ какого нибудь добраго стремленія, непременно соприкасается съ евангельской истиной. Этотъ взглядъ преосв. Антонія на происхожденіе заблужденій опредѣляетъ собою и методъ его полемики и апологетики. Нельзя отрицать въ извѣстномъ направленіи мысли всего, особенно если это направленіе имѣетъ много сторонниковъ. Въ основѣ его есть доля истины, которую заблуждающійся выстрадалъ и которая поэтому стала особенно дорога ему и близка его сердцу. Она же служитъ притягательною силою, привлекающей къ нему и его послѣдователей. Отрицаніе даже частичной истины, лежащей въ основѣ движенія и не гуманно, и не практично. Къ вопросамъ совѣсти нужно относиться съ благожелательною деликатностью и не оскорблять человѣка грубымъ прикосновеніемъ къ тому, чѣмъ онъ дорожитъ какъ святынею. Но полное отрицаніе, несправедливое и негуманное по существу, не можетъ надѣяться и на практическій успѣхъ. Такая полемика только раздражаетъ противниковъ и никого не убѣждаетъ. Въмѣсто этого свѣтлыя стороны движенія слѣдуетъ признать, сдѣлать ихъ общею почвою и точкою соприкосновенія между заблужденіемъ и церковнымъ ученіемъ и показать, что истина, увлекающая отпадающихъ отъ церкви, въ ней-то именно только и можетъ быть осуществлена во всей полнотѣ, законченности и глубинѣ. Этотъ методъ полемики и нашелъ для себя примѣненіе въ статьяхъ преосв. Антонія противъ Толстого. Считаемо нужнымъ замѣтить, что этотъ методъ совершенно противоположенъ приспособленію къ вкусамъ толпы католическаго духовенства. Послѣднее беретъ исходною точкою для своего приспособленія не элементы добра, а страсти и пристрастія народа. Уступая ему его наиболѣе дорогіе пороки, оно покупаетъ этимъ привязанность къ католичеству.

Въ близкомъ родствѣ съ взглядомъ на заблужденія и методы борьбы съ ними стоятъ мысли преосв. Антонія о поведеніи пастыря на нашихъ окраинахъ, часто отличающихся по своимъ церковнымъ обычаямъ отъ центральныхъ губерній. Пастырь не долженъ по политическимъ соображеніямъ руссификаціи искоренять здѣсь всѣ мѣстные обычаи, часто болѣе древніе и трогательные, чѣмъ обычаи его родины. Уничтоженіе въ униатскихъ приходахъ общаго пѣнія, цвѣточныхъ вѣнцовъ при бракосочетаніи вмѣсто мѣдныхъ, хожденія перваго братчика со свѣчею впереди священника во время кажденія имѣло послѣдствіемъ самыя тяжкія недоразумѣнія. Насиліе во всѣхъ его видахъ должно быть изъято изъ числа средствъ пастырскаго воздѣйствія. Пастырь, по примѣру св. Стефана Пермскаго, долженъ слиться съ своимъ инородческимъ приходомъ со стороны религіозно-бытовой и со стороны нарѣчія. Только такой образъ дѣйствій можетъ служить въ концѣ концовъ и политическому сближенію инородцевъ съ русскими (II, 213, 325).

Въ своихъ сочиненіяхъ преосв. Антоній высказываетъ нѣсколько свѣжихъ и вполне основательныхъ мыслей и по вопросу о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, которыя умѣстно привести въ виду непрекращающихся слуховъ о предстоящей реформѣ. Прежде всего, по мысли преосв. Антонія, слѣдуетъ говорить не о пониженіи научнаго уровня, а о его повышеніи и особенно объ усиленіи свѣтскаго образованія. Наше общество пропитано литературой и общественными науками настолько, насколько „татары алькораномъ или евреи талмудомъ“. Чтобы быть авторитетнымъ въ такой средѣ, „пастырь долженъ быть хозяиномъ въ возрѣніяхъ вѣка на всѣ стороны бытія и жизни, долженъ ясно сознавать ихъ согласіе или несогласіе съ ученіемъ христіанскимъ, долженъ умѣть дать оцѣнку всякой философской идеи, хотя бы вскользь брошенной въ модной повѣсти или журнальной статьѣ“. Духовная школа должна подготовить своего воспитанника къ такому служенію, дать ему нужныя для этого свѣдѣнія, потому что, сдѣлавшись пастыремъ, уже поздно пополнять пробѣлы своего образованія: не у всякаго найдется для этого достаточно свободнаго времени. (III, 454). Препятствовать духовнымъ воспитанникамъ изучать философію и литературу т. е. самое общество, по мнѣнію преосв.

Антонія, тоже, что отказывать студентамъ медикамъ въ изученіи анатоміи и физиологіи, если не по препаратамъ, то по моделямъ и рисункамъ (III, 478).

Что касается вопроса о средствахъ развитія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ такъ называемой церковности, то въ его рѣшеніи преосв. Антоній остается вѣренъ своему общему взгляду, что создавать жизнь можно только положительными мѣрами, а не запретительными или насильственно-принудительными. Если хотя бы имѣть пастырей дѣятельныхъ, энергичныхъ, преданныхъ своему служенію и способныхъ къ личной иниціативѣ, то энергію и самостоятельность воспитанниковъ нужно не подавлять, а возбуждать. Вѣчныя запрещенія и принужденія безъ всякой попытки вызвать къ самостоятельности соотвѣтствующія силы учащихся, только охлаждаетъ ихъ къ религіи, вкореняя въ нихъ убѣжденіе, что религія требуетъ только жертвъ и не даетъ никакихъ радостей. „Юноша, пишетъ преосв. Антоній, ищетъ дѣла активнаго, энергичнаго, жизненнаго. Между тѣмъ все связанное съ церковнымъ служеніемъ и церковностью, онъ съ самаго дѣтства воспринимаетъ лишь въ формѣ стѣсненій, воспрещеній, удержаній, страховъ. Тутъ не энергія его привлекается къ церковности, а именемъ церковности всякая молодая энергія подавляется. Почитать бы онъ Тургенева въ семинаріи, нельзя—неблагочестиво; пошелъ бы въ театръ—нельзя по той же причинѣ; пошелъ бы наконецъ въ соборъ кафедральный—нельзя, стой въ домашней церкви, душевно, неблаголѣпной, низкой. Скоромнаго ѣсть нельзя, пѣсни пѣть подь праздникъ нельзя, изъ церкви выйти нельзя и т. д. и т. д. Не о томъ, конечно, рѣчь, чтобы все это разрѣшать—избави Богъ. Но горе наше въ томъ, что церковь и церковность только и заявляютъ себя семинаристу и академисту какъ законъ, возбуждающій пожеланіе“. Особенно вредно, по мнѣнію преосв. Антонія, формально-принудительное отношеніе къ молитвѣ и богослуженію, „привлекающее въ церковь не душу, а одно только тѣло, исполненное праздныхъ бесѣдъ и удручающей скуки“. „Современный школьный формализмъ, говоритъ преосв. Антоній, ни одной сторонѣ религіознаго развитія учащихся не наноситъ такой глубокой раны, какъ именно молитвенно-богослужебной, лишая ее того свойства, безъ котораго она является не добромъ а

прямо таки зломъ.—свойства сердечности, внутренняго предрасположенія души, и поучая будущихъ священниковъ лишь устами и руками не славить, а гнѣвить Бога и иногда даже безчестить Его святѣйшія таинства“. (III, 487—488).

Не этими мѣрами нужно насаждать церковность. Чтобы сдѣлать для воспитанниковъ дѣло церкви ихъ личнымъ, кровнымъ дѣломъ, нужно возбудить ихъ самодѣтельность. Для этого преосв. Антоній рекомендуетъ возможно полное развитіе среди воспитанниковъ личнаго почина въ проповѣди, внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, воскресныхъ чтеніяхъ, обученіи народа общему пѣнію, оглашеніи обращающихся къ православію, въ распространеніи духовно-нравственныхъ изданій и Слова Божія, въ участіи во время каникулъ въ миссіонерской дѣятельности, въ бесѣдахъ съ богомольцами, „стекающимися въ знаменитыя обители и до сихъ поръ возвращающимися оттуда безъ всякаго духовнаго окормленія съ толчками въ спинѣ и пустотою въ карманѣ“. Закончимъ свою статью пожеланіемъ преосв. Антонія—„пусть въ академіяхъ среди студентовъ, пишетъ онъ, живетъ св. церковь со всею полнотою своихъ пастырскихъ спасительныхъ дарованій въ самомъ живомъ, непосредственномъ общеніи съ современною жизнію, съ борьбою противъ всего злого въ ней и съ сочувствіемъ всему доброму въ ней“ (III, 466).

И. Поповъ.
